

© 2009 г.

Н. Д. ЕРОФЕЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года

Изучение русской революции 1917 г. в отечественной историографии началось еще до того, как она завершилась, и прошло через ряд этапов. Современный этап существенно отличается от предшествующих. Он характеризуется тем, что, во-первых, в стране происходили и происходят глубокие перемены в структуре собственности, в экономических и социальных отношениях, в государственном строе и в духовной жизни; во-вторых, действуют положения конституции 1993 г. о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а нормой общественной жизни является идеологическое и партийное многообразие; в-третьих, изменилось отношение официальных структур к революции 1917 г., особенно к Октябрю и его урокам.

Перед историками это в сжатом виде было озвучено на научно-практической конференции "Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент в России", состоявшейся в Москве 5 ноября 1994 г. по решению Администрации Президента России и правительства Москвы. В докладах тогдашнего Руководителя Администрации Президента С.А. Филатова и идеологов того времени А.Н. Яковлева и Д.А. Волкогонова революция была охарактеризована как "смута – праздник люмпена", "бесовщина", "начало дьяволиады", "самое трагическое событие российской тысячелетней истории", "государственный переворот, в результате которого власть была узурпирована небольшой по численности, но сплоченной леворадикальной партией". Корни всех бед России в XX веке, по уверению Д.А. Волкогонова, исходили "от Ленина и ленинизма"¹.

Некоторыми историками названная конференция именуется "установочной"². Точка зрения руководства конференции на Октябрь 1917 г. была одобрена лишь большинством, но не всеми участниками конференции. Академик П.В. Волобуев, признав, что на конференции было сказано "немало верного", вместе с тем говорил, что оценка Октября и его уроков должна быть более объективной, ненаучно исходить лишь из "антибольшевистского и антикоммунистического антиквариата", надо не забывать, что большевики "сумели плохо ли, хорошо, а лучше сказать – плохо, с огромными жертвами, решить общенациональную задачу, осуществив аграрно-индустриальную модернизацию страны"³. Анализ материалов местных конференций по истории революции, прошедших вслед за столичной ноябрьской конференцией 1994 г., дает основание предполагать, что в то время большинство историков придерживалось традици-

Статья публикуется в порядке обсуждения.

Ерофеев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 г. М., 1995, с. 4–31.

² *Плимак Е.Г., Антонов В.С.* Октябрь 1917 года и "большевистский эксперимент" в России. – Россия и современный мир, 2007, № 3 (56), с. 47.

³ Там же, с. 31–34.

онного взгляда на революцию. Факт этот примечателен. Его можно рассматривать как новое явление в историографии революции, как начало утверждения в ней плюрализма. Уходило в историю то время, когда историки безоговорочно и единодушно воспринимали то, что предписывалось им сверху.

Наш обзор охватывает работы по истории революции за период с середины 90-х годов XX в. до середины 2007 г. Работы моих предшественников заканчиваются, как правило, анализом литературы по истории революции 1917 г., появившейся не позже середины 90-х годов XX в.⁴

Количественные параметры, структуру и динамику предмета своего исследования автор попытался определить путем анализа наименований печатных изданий⁵ и докторских диссертаций, так или иначе касающихся темы данной статьи. Основным источником послужили списки новых книг по отечественной истории и докторских диссертаций, опубликованные в журнале "Отечественная история" за рассматриваемый период. В массив работ, выявленных таким образом, были внесены некоторые коррективы с помощью просмотра электронных каталогов крупнейших книгохранилищ страны: Фундаментальной библиотеки Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук, Российской государственной библиотеки и Государственной публичной Исторической библиотеки России. Принимая во внимание то, что учет книг, издаваемых ныне в нашей стране, не является удовлетворительным, о выявленной нами источниковой базе можно сказать, что она достаточно представительная, но не исчерпывающая.

По нашим данным, в рассматриваемый период всего по отечественной истории было издано около 6 200 книг и защищено около 1 200 докторских диссертаций. Из них к истории революции (при широком понимании темы) можно отнести 560 (9%) книг и 187 (16%) диссертаций. Из общего числа книг и диссертаций, отнесенных к истории революции, непосредственно событиям 1917 г. посвящено всего лишь около 22%. Большинство других работ касается предреволюционной эпохи. На основе названных показателей можно заключить, что тема революции остается в поле внимания историков, в то же время той интенсивности, с которой она изучалась в советское время, уже не наблюдается. О снижении внимания к этой теме говорит и такая динамика. За шесть лет (1995–2000 гг.) было утверждено 522 диссертации по отечественной истории, из них по истории революции – 18,4%. За семилетие (2001–2007 гг.) из 670 утвержденных диссертаций по отечественной истории, диссертаций по революции было лишь 13,6%. Подобная тенденция прослеживается и в сфере книгоиздания. В 1995 – 2000 гг. было издано 2 883 книги по отечественной истории, из них по истории революции – 10,5%. В 2001 – 2007 гг. из изданных 3 296 книг по отечественной истории, по истории революции – 7,8%.

Количественный анализ наименований докторских диссертаций и печатных изданий позволяет определеннее говорить и о том, какие темы являются актуальными в современной историографии революции 1917 г., а, следовательно, какие процессы в ней про-

⁴ Булдаков В.П. Историографические метаморфозы "Красного Октября". – Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996, с. 179–205; Фомин А. Переосмысливая события революционной поры. – Свободная мысль, 1996, № 10, с. 47–61; Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917–1995 гг.). Хабаровск, 1998; Чураков Д.О. Красная смута в интерьере исторических альтернатив: взгляд из сегодня. – Альтернативы, 1998, № 3, с. 106–121.

⁵ Из опубликованной литературы автором привлекались, прежде всего, научные издания: монографии, материалы "круглых столов", конференций, симпозиумов и семинаров, сборники статей и отдельные статьи, принципиально значимые для освещения темы. Не были обойдены вниманием и издания документального характера, ценные не только включенными в них документами и материалами, но и своими введениями, предисловиями и комментариями, вносящими существенный вклад в малоизученные проблемы революции, а также научно-популярная литература по тематике, пользующейся большим интересом у читателей.

исходят, и в какую сторону она развивается. Согласно этому анализу, внимание историков чаще всего привлекали темы, которые можно распределить по 19 блокам.

Большое количество (15,3%) печатных работ включает в себя блок "Политические партии, движения и партийно-политическая борьба". Чуть меньше – блоки "Экономика, социальные отношения и социальная политика" (15%) и "Николай II и императорская фамилия" (14,9%). Достаточно представительным, и в этом отношении существенно превосходящим следующие за ним блоки, является блок "Антибольшевистское движение" – 11%. По 5,6% работ входят в блоки "Масоны" и "Г.Е. Распутин". Перечисленным блокам по числу работ уступает блок "Лениниана" – 5,3%. Далее идут блоки "Первая мировая война и революция" – 3,9%, "Высшие и центральные органы власти России (1914–1918 гг.)" – 3,7%, "Быт, культура, самосознание, менталитет населения" – 3,4%, "Местные государственные и общественные органы управления" – 2,6%, "Профсоюзы, кооперация и другие социальные общественные организации" – 2,3%, "Интеллигенция" – 2,3%. По 2% работ приходится на блоки "Троцкий и троцкизм", "Терроризм" и "Церковь и государство", 1,7% – на блок "Национальный вопрос", 1,5% – на блок "Социальные движения" и 1,4% – на блок "И.В. Сталин".

Распределение докторских диссертаций по перечисленным блокам несколько отличается от распределения по ним печатных работ, что, видимо, отражает то обстоятельство, что диссертации являются работами строго научными, а в печатной продукции значительную долю представляют работы, рассчитанные на спрос широкого круга читателей. Из диссертаций, вошедших в проведенную выборку, 28,6% относятся к блоку "Экономика, социальные отношения и социальная политика", 20,1% – "Политические партии и движения", 12,2% – "Антибольшевистское движение", по 6,7% к блокам "Местные государственные и общественные органы управления" и "Профсоюзы, кооперация и другие социальные общественные организации", 5,5% – к блоку "Быт, культура, самосознание, менталитет населения", по 4,9% – к блокам "Высшие и центральные органы власти России (1914 – 1918 гг.)" и "Первая мировая война и революция", 4,3% – "Интеллигенция", 3,7% – "Церковь и государство", 3,0% – к блоку "Национальный вопрос", 1,8% – "Социальные движения", 1,2% – "Терроризм". По 0,6% диссертаций приходится на блоки "Николай II и императорская фамилия", "Масоны", "Лениниана" и "Троцкий и троцкизм". Не выявлено диссертационных исследований по блокам "Г.Е. Распутин" и "И.В. Сталин".

Как видно из приведенных данных, в современной историографии русской революции 1917 г. по сравнению с советской историографией произошли существенные изменения. Приоритетными стали темы, которые раньше не изучались вовсе или изучались мало: "Николай II и царская фамилия", "Антибольшевистское движение", "Г.Е. Распутин", "Масоны", "Быт, культура, самосознание, менталитет населения". В блоке "Политические партии и движения" основное внимание уделяется участию в революции небольшевистских партий, а блок "Лениниана", если исходить из того, как в подавляющем большинстве работ, входящих в этот блок, характеризуется В.И. Ленин и его роль в революции, впору назвать "Антиленинианой". Недостаточно изучаются такие важные для понимания причин революции, ее перипетий, итогов, вопросы, как уровень жизни населения в период войны и революции, социальная политика царизма и Временного правительства, финансовое положение России накануне революции и в 1917 г. и ряд других, которые активно изучались в советское время.

Анализ современной отечественной историографии русской революции 1917 г. даже на уровне наименований ее работ, позволяет заключить, что в ней произошла та же "смена вех", что и в современной отечественной историографии Великой Французской революции. Если в советское время та и другая революция исследовались преимущественно "снизу" и "слева", то теперь – "сверху" и "справа"⁶. Одновременно дан-

⁶ Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции (полемиические заметки). – Новая и новейшая история, 2007, № 1, с. 63.

ное заключение ставит под сомнение, высказанное в нашей литературе утверждение, что нынешняя историографическая ситуация опровергает тезис Мишеля Фуко о том, что "в любом обществе власть задает набор схем, создающих дискурс эпохи, определяет, что именно будет считаться нормой, истиной и знаменем"⁷. В нашей действительности все обстоит сложнее. До "управляемой истории" дело пока не дошло, но все заметнее становится, что акценты в изучении истории 1917 г. переносятся в сторону, противоположную той, что была в советское время.

Современную историографию революции от советской историографии отличает, прежде всего, то, что ее бывшая монолитность сменилась широким спектром различных направлений и течений. По своей структуре и содержанию она стала плюралистической. Общепринятой систематизации существующего в ней разномыслия пока не имеется. Попытки, предпринимавшиеся в этом направлении⁸, основываются главным образом на отношении историков к марксизму и к коммунизму. Более правильной и научно продуктивной, на наш взгляд, является классификация по идейно-теоретическому и социально-политическому признакам. При такой классификации принимается во внимание не только отношение историков к марксизму и коммунизму, но и их идеалы, теория и методология познания, их ответы на вопросы о случайности или закономерности революции, о ее роли и значении в истории страны. Исходя из названных основ, в современной историографии революции можно выделить три направления: *консервативное, либеральное и социалистическое*.

Определяющей чертой консервативного направления является вера в особый исторический путь развития России. Для представителей этого направления идеалом явля-

⁷ Бордюгов Г. Реальность историческая и новые проблемы ее представления. – Исторические исследования – II в России. Семь лет спустя. М., 2003, с. 10.

⁸ А.Н. Сахаров и С.В. Кулешов производят классификацию по признаку отношения представителей направлений и течений к марксизму или коммунизму. В начале 90-х годов XX в. А.Н. Сахаров называл три сформировавшихся тогда направления: *либерально-коммунистическое, ортодоксально-марксистское и антимарксистское*. К первому направлению он относил тех историков, которые продолжали руководствоваться марксистско-ленинской методологией, но очищенной от сталинских догматических упрощений и извращений. Представители второго направления не принимали ревизионистские подходы к истории, исходящие от правящей верхушки. В третье направление включались историки, отрицающие марксизм как метод познания и призывающие взять за образцы достижения дореволюционной и эмиграционной отечественной, а также западной историографии (Сахаров А.Н. Отечественная историография: западные оценки и наша реальность. – Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994, с. 740). Десять лет спустя А.Н. Сахаров несколько скорректировал свою классификацию. Теперь он называет три основных направления в нынешней историографии: *либерально-коммунистическое, консервативно-сталинистское и радикально-антикоммунистическое*. Представителей первого направления А.Н. Сахаров характеризует историками "шестидесятниками", верными своим либерально-коммунистическим, "истинно марксистско-ленинским" политическим взглядам, представителей третьего направления – сторонниками радикальных антикоммунистических воззрений, "которых они роднят с новым режимом, с дилетантской, официальной, совершенно антикоммунистической публицистикой" (Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России. – Вопросы истории, 2002, № 8, с. 4). С.В. Кулешов выделяет четыре направления: продолжающее апологику социалистической революции, критикующее большевистский вариант революции, но не саму революционно-социалистическую революцию; "тоталитарное", резко отрицательно оценивающее победу революции и ее последствия; и реанимирующее исходящую от дореволюционных монархистов идею о революции как масонском заговоре (Кулешов С.В. Размышления о революции. – Отечественная история, 1996, № 5, с. 110). В. Козлов основывает свою классификацию на степени документальной обеспеченности работ. Он считает, что существует "минимум пять исторических направлений описания революции 1917 года": *традиционное* или научное, когда история пишется на основе достоверных фактов; *публицистическое*, сводящееся к погоне за сенсационными фактами и сюжетами, но, как правило, малодостоверными; *драматургическое*, представители которого в прошлом видят не жизнь, а театральное представление; четвертое направление более всего культивируется церковными деятелями, связующими все беды России с петровскими реформами. Пятое направление Козловым называется *документальным*, когда прошлое познается через документы (Козлов В. Октябрь без тайн. – Российская газета, 7.XI. 2007).

ется дореволюционная, патриархальная, православная, монархическая, единая и неделимая Россия. Ими отрицается неизбежность и закономерность революции, наличие для нее внутренних причин и предпосылок. Для них революция является катастрофой, обрекшей страну на гибель. Либералы не признают самобытности России, считают ее европейской страной, развивающейся тем же путем, что и Запад. Идеалом для них является конституционное государство, независимо в какой форме – конституционная монархия или парламентская республика, и гражданское общество. Будучи эволюционистами, они отрицают революцию как средство эффективного решения политических и социальных проблем, ищут причины революции главным образом в политической сфере.

Историки социалистической ориентации исходят из идеала социализма, признают революцию событием закономерным, необходимым и в целом благотворным для России.

В каждом из названных направлений есть свои течения и оттенки. Например, в социалистическом направлении есть историки, продолжающие придерживаться ортодоксального марксистско-ленинского толкования революции⁹, и историки социал-реформистских воззрений, считающие, что в 1917 г. существовала реальная возможность решить вопрос о власти без вооруженного восстания и без диктатуры пролетариата, путем соглашения между тогдашними социалистическими партиями¹⁰.

Для понимания общего характера современной историографии революции 1917 г., тенденций ее развития, определяющее значение имеет вопрос о соотношении названных направлений. Проведенный анализ свидетельствует о преобладании в историографии в настоящее время либерального направления.

Необходимость "смены вех" в историографии революции 1917 г. объясняется поразной. Историки, не улавливающие в достаточной мере изменения, происходящие в обществе, или не желающие из принципа соглашаться с официальными установками, акцент делают на обстоятельства академического характера: введение в научный оборот новых источников и на логику исторического познания революции. В докладе, сделанном в сентябре 1995 г. на XVIII Международном конгрессе историков П.В. Волобуевым и В.П. Булдаковым, возглавлявшими тогда Научный совет РАН "История революций в России", говорилось, что перед отечественными историками "впервые... возник шанс двигаться от конкретного исторического материала к обобщениям, а не наоборот"¹¹. В Москве под знаковыми названиями "1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению" (1997), "1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению" (1998) состоялись международные конференции, организованные Советом в связи с 80-летием революции 1917 г. Другим лозунгом "переосмысления" истории революции были призывы к ее "деполитизации" и "деидеологизации". В.П. Булдаков, например, заявлял, что «только атмосфера "деидеологизации" и "деполитизации" может мобилизовать волю к познанию истины»¹².

⁹ Волков Ф.Д. Великий Ленин и пигмеи истории. М., 1996; Великий Октябрь и современная Россия: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции / Нижегородский областной комитет Коммунистической партии Российской Федерации, Нижегородское региональное отделение "Российские Ученые социалистической Ориентации". Нижний Новгород, 1997; Великий Октябрь: уроки истории и современность. М., 1997; Голуб П. Величайшая из всех революций планеты: наш ответ фальсификаторам Октябрьской революции. – Диалог, 1997, № 10, с. 49–63; К 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции / Общество "Российские Ученые социалистической Ориентации". М., 1997.

¹⁰ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. М., 2000, с. 292; Горбачев М.С. Размышления о прошлом и будущем. СПб., 2002; Плимак Е.Г., Антонов В.С. Октябрь 1917 года и "большевистский эксперимент" в России, с. 47–57.

¹¹ Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению. – Вопросы истории, 1996, № 5–6, с. 28.

¹² Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники. – 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 12.

Благотворность для развития исторической науки ее "деидеологизации" и "деполитизации" вряд ли кто будет отрицать. Избавление историков от жесткого контроля со стороны власти, предоставление им возможности самим избирать темы для своих исследований, беспрепятственно пользоваться источниками, руководствоваться в своей работе наиболее эффективными на их взгляд теориями, методологией и методиками, является непереносимым условием их успешной работы. Сожалеть приходится лишь о том, что под призывами "деидеологизации" и "деполитизации", как правило, имеется в виду освобождение лишь от идеологии и политики советского времени, но не всегда говорится, что историческая наука не может быть полностью деидеологизированной и деполитизированной. Историк не живет вне общества. Он вольно или невольно испытывает влияние окружающей его действительности. Наша нынешняя действительность стала в своей основе либеральной, что, прежде всего, и обуславливает, как отмечалось выше, преобладание в историографии соответствующего направления. Ныне воздействие на формирование либеральной трактовки революции осуществляется не так как прежде, не столько методами прямого давления на историков¹³, сколько опосредованными путями, через публицистику, средства массовой информации. В.П. Смирнов, известный специалист по истории Франции, выступая на "круглом столе" в Институте всеобщей истории РАН, посвященном Великой Французской революции, отметил, что "смена веж", происшедшая в современной историографии Великой Французской революции, не означает ее "деидеологизацию", – "идеологические клише не исчезли, они лишь стали другими"¹⁴. Такое заключение вполне применимо к современной отечественной историографии русской революции 1917 г.

Говоря об обстоятельствах, повлиявших на "смену веж" в нынешней нашей историографии революции 1917 г., нельзя упускать из внимания и личностный фактор. В рассматриваемый период не стало крупных историков, изучавших эпоху, предшествующую революции или непосредственно события 1917 г.: А.Н. Анифимова, В.И. Бовькина, М.П. Белова, П.В. Волобуева, В.В. Гармизы, Е.Г. Гимпельсона, В.П. Дмитренко, В.С. Дякина, Ю.И. Кирьянова, И.Д. Ковальченко, В.Я. Лаверьчева, В.И. Миллера, В.И. Старцева, В.Г. Тюкавкина, Е.Д. Черменского, К.Ф. Шацлло и ряда других. С их уходом из жизни социалистическое направление в историографии было существенно ослаблено.

"Переосмысление" советской историографии русской революции 1917 г. приобрело в рассматриваемый период широкий характер. Прежде всего, оно коснулось марксистской теории и методологии познания истории в целом и революции в частности. Критике подвергается представление об истории как естественной смене общественных формаций. В качестве главного аргумента, подтверждающего несостоятельность этой теории, используется неудача социалистического эксперимента в нашей и ряде других стран. Ныне эта точка зрения стала преобладающей, но не всеобщей. Она разделяется главным образом представителями консервативного и либерального направлений. В целом верными марксистской методологии остаются историки социалистической ориентации. Но одни из них придерживаются ортодоксии¹⁵, другие пытаются ее подправить с учетом веяний времени, сделать толерантней. Так, в одном из выступлений на новгородской научной конференции, посвященной 80-летию революции 1917 г., говорилось, что современный мир не укладывается в рамки сугубо формаци-

¹³ В докладе Г.З. Иоффе о постперестроечной историографии Октября, сделанном на годичном собрании Научного совета РАН "История революций в России" в феврале 1995 г., отмечалось, что революция 1917 г. и Гражданская война все еще продолжают быть объектом идеологической борьбы, что конъюнктурное давление на историков усиливается. Политики вторгаются в историографию и диктуют ей свои приоритеты. – *Исхаков С.М.* Годичное собрание Научного совета РАН "История революций в России". – Отечественная история, 1995, № 6, с. 207.

¹⁴ "Круглый стол". Французская революция XVIII века и буржуазия. – *Новая и новейшая история*, 2002, № 1, с. 95.

¹⁵ Великий Октябрь: уроки истории и современность. М., 1997.

онного подхода, но этот подход не утратил своего научного предназначения, и должен стать "основным ядром" комплексной методологии, соединяющей в себе кроме него цивилизационный и эпохальные подходы¹⁶.

По-разному объясняются корни революции. Представители консервативного направления, как правило, обращаются к теориям иррационального характера. Революцию они рассматривают как случайное, катастрофическое для России событие, как заговор мировой и отечественной масонской закулисы¹⁷, как операцию германских¹⁸ или английских спецслужб¹⁹, как божественное проведение²⁰ или действие оккультных, сверхъестественных сил²¹.

Представители социалистического и либерального направлений исследуют революцию, руководствуясь рационалистическим мировоззрением, признавая причинную обусловленность и закономерность этого события. Для них оно является результатом сознательных помыслов и деяний людей. К разряду рациональных теорий познания революции относятся ныне используемые теории: формационную, цивилизационную, социокультурную²², модернизационную, теорию элит и ряд других. Рационалистическими являются и попытки объяснить революции с точки зрения психопатологии и психоанализа²³, а также синергетической теории. Синергетики рассматривают историю как циклический процесс. Преимущество своей теории они видят в том, что она якобы позволяет преодолеть ограниченность теорий, интерпретирующих историю как восхождение от низших форм общества, к высшим. По их мнению, достоинство этой теории заключается и в том, что она придает большое значение случайности в истории, сочетает идею эволюции с многовариантностью, многомерностью и альтернативностью исторического процесса. Для историков революции особое значение в синергетической теории имеет идея о бифуркации, под которой имеется в виду перестройка общественной системы²⁴.

Разные мнения существуют по вопросу о том, насколько распространенными являются названные теории. Анализ на этот счет кандидатских и докторских диссертаций по отечественной истории за 90-е годы свидетельствует, что основная масса диссертантов уверяет, что их исследование принадлежит к "новой традиции". Об отказе от формационного подхода заявили 61% диссертантов, о приверженности цивилизационному подходу – 73%, культурологическому – 28%²⁵. Мнение члена-корр. РАН А.Н. Сахарова несколько иное. Он считает, что сегодня подавляющая часть российских историков, не афишируя это, руководствуется в своих исследованиях "либерально-формационной" методологией. Эта методология, отличается от ортодоксальной марксистской методологии тем, что не признает в качестве основных методов познания исторического процесса жесткие социально-экономические и классовые детерми-

¹⁶ Куликов М.И. Октябрь 1917 г. Метаморфозы мировой цивилизации (Постановка проблемы). – 1917-й. Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию Февральской и Октябрьской революций в России. 4 ноября 1997 г. Новгород, 1998.

¹⁷ Платонов О. Терновый венец России. История масонства. 1731–1995. М., 1995, с. 211; Кожин В.В. Революция: современный взгляд. – 1917 год. К 90-летию Февральской революции. М., 2007, с. 6; Масыны и февральская революция 1917 года. М., 2007.

¹⁸ Тайна Октябрьского переворота: Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001; Херси Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004.

¹⁹ Стариков Н. 1917. Не революция, а спецоперация! М., 2007.

²⁰ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. – Российская газета, 27.11. 2007.

²¹ Шамбаров В. Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006.

²² Булдаков В.П. Октябрьская революция как социокультурный феномен. – Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994, с. 156; *его же*. 1917: взрыв на стыке цивилизаций. – Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань, 1994, с. 3–13.

²³ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²⁴ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2006, с. 6–7.

²⁵ Там же, с. 7–8.

нанты. В то же время, на взгляд А.Н. Сахарова, "все шире пробивает себе дорогу цивилизационный подход к истории"²⁶.

Добавим от себя, что в исследованиях по революции пока не получили сколько-нибудь значительного распространения теории социопсихологии, психоанализа, социокультурологии, синергетики.

Вряд ли можно согласиться с трактовкой В.П. Булдакова революции как эпидемии "социального помешательства", "массово-историческое проявление" суицидальности человека, генетически в нем присутствующее²⁷. Скорее публицистическим, чем научным, является и именование революции расплывчатым термином "смута". Да и ситуация в России начала XVII в., которую впервые назвали "смутой", существенно отличается от той, которая была в 1917 г. Иными были уровень развития страны, ее национальные задачи, борющиеся силы, их цели, политическое сознание, итоги борьбы. На наш взгляд, использование термина "смута" по отношению к революции 1917 г. не облегчает, а, наоборот, осложняет изучение этого, непомерно сложного и противоречивого события, обособляет его от революций в других странах. Не вошли пока в практику как методы изучения истории революции теория синергетики и теория демократических переходов, которая в последнее время развивается А.Н. Медушевским²⁸.

В заключение данного обзора теорий и методов, которые ныне используются или предлагаются для изучения революции 1917 г., отметим, что, по нашему мнению, наиболее перспективной является теория модернизации. Рационалистическая по своему характеру, она опирается на научные идеи причинности, закономерности, преемственности, альтернативности и прогресса в развитии общества. В соответствии с ней исторический процесс представляется как поступательное развитие общества от менее развитых стадий к более развитым. В свете этой теории, революция 1917 г. предстает не как историческая случайность, обрекающая Россию на тупиковое развитие, а как попытка радикально решить для России назревшую и перезревшую задачу окончательного перехода от аграрного общества к обществу индустриальному²⁹. Наибольшие успехи нашего времени в изучении истории России в начале XX в., в том числе и революций, связаны с использованием именно этой теории. Одним из убедительных примеров тому является тот большой прорыв, который осуществлен в изучении российских политических партий и их роли в революциях и заслуженно отмеченный Государственной премией. Этой теории как методу познания российской истории ныне большое внимание уделяется не только столичными, но и уральскими и сибирскими историками³⁰. Об актуальности этой теории свидетельствует и тот факт, что в западной историографии "после некоторого спада интереса к теории модернизации, она вновь в центре дискуссий о развитии России в позднеимперский период" и занимает в этой историографии "одно из ключевых мест в объяснении предпосылок революции 1917 г."³¹.

²⁶ Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России, с. 6.

²⁷ Булдаков В.П. Красная смута, с. 6.

²⁸ Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года. – Отечественная история, 2007, № 6, с. 3–27.

²⁹ Горинов М.М. К вопросу о сущности Октябрьской революции. – Историки мира спорят. М., 1994, с. 153–155; Зиновьев В.П. Революции XX в. в России в свете теории модернизации. – Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской конференции, том 1. Томск, 1999, с. 18–26; *его же*. Октябрьская революция 1917 года в контексте перехода России от аграрного общества к индустриальному. – Труды научно-практической конференции "Октябрьская революция и ее место в истории XX века". Томск, 2000, с. 15–20.

³⁰ В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева считают, что "главным вызовом России в XVIII–XX столетиях стала модернизация... Российские революции и застои, беды и победы, являлись плодами перехода от традиционного, патриархального, сельского, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому". – Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции. – Отечественная история, 2003, № 5, с. 3–20.

³¹ Шевырин В.М. Революция 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии. – Россия и современный мир, 2007, № 1 (54), с. 62–63.

Разнообразие не меньшее, а, пожалуй, большее, чем в области теории и методологии изучения революции, существует и в трактовке подавляющего большинства общих и частных вопросов революции. Нет единства среди историков по вопросам о том, сколько революций было в 1917 г., были ли они революциями или переворотами, случайностью или закономерностью, каковы их причины и предпосылки, характер и особенности, хронологические рамки, движущие силы, этапы, роль и последствия для страны и мира.

Высказано мнение, что большинство исследователей Февраль 1917 г. считают революцией, а меньшинство – заговором и переворотом³². Последнее отстаивают, главным образом, правоконсервативные историки и публицисты, считающие, что в Феврале произошел переворот, инспирированный масонами или иностранными спецслужбами. Не считают Февраль революцией А.И. Солженицын и В.П. Булдаков. А.И. Солженицын сомневается в правомерности отнесения Февраля к революции из-за того, что в нем, по его мнению, не было, "внезапного, насильственного и с участием масс изменения политического строя государства"³³. В.П. Булдаков же утверждает, что "на деле мы имеем дело не с революцией, не с переворотом, а с саморазрушением имперской системы"³⁴.

Октябрь в советской историографии именовался как Великая Октябрьская социалистическая революция. Ныне такое определение встречается лишь в ортодоксальных марксистских работах. В подавляющем большинстве работ, прежде всего консервативного и либерального направления, он называется не революцией, а контрреволюционным переворотом³⁵.

В современной историографии неоднозначный ответ дается и на вопрос о том, сколько революций было в России в 1917 г. Еще в дореволюционную пору, исходя из формационной схемы развития общества, российские социал-демократы записали в своей программе, что России предстоит пройти через две революции: буржуазно-демократическую и социалистическую. Этот тезис стал догмой не только для большевиков, но и для советской историографии. Утверждалось, что в 1917 г. Россия пережила две революции: Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую. Ныне этот тезис еще присутствует, но уже серьезно поколеблен. П.В. Волобуев и В.П. Булдаков, исходя из теории о многоукладности дореволюционной России, составляющей основу "нового направления" в советской историографии, считают, что "в 1917 г. действовали параллельно несколько социальных революций – солдатская, рабочая, крестьянская, национальная"³⁶. Однако все больше сторонников находит мнение о том, что 1917 г. представлял собою одну революцию, а Февраль и Октябрь были лишь этапами или фазами этой революции³⁷. Думается, что такое мнение является наиболее адекватным и с точки зрения цивилизационного, и с точки зре-

³² *Шепелева В.Б.* Новейшая история России первой трети XX века. Кн.1. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии. Омск, 2002, с. 5.

³³ *Солженицын А.И.* Указ. соч., с. 13.

³⁴ *Булдаков В.П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции. – Россия и современный мир, 2007, № 3 (56), с. 13.

³⁵ Подробнее см.: *Искендеров А.А.* Очерки новейшей истории советского общества. – Вопросы истории, 2002, № 5, с. 72.

³⁶ *Волобуев П.В.* Исторические корни Октябрьской революции. – Анатомия Революции: массы, партии, власть. СПб., 1994, с. 37–38; *Булдаков В.П.* 1917: взрыв на стыке цивилизаций, с. 3; *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению, с. 31.

³⁷ *Рашидов Ф.А.* Революция 1917 года: партии и политический выбор России. (Автореферат дисс.) Саратов, 1994, с. 16; *Могильницкий Б.Г.* Октябрьская революция в перспективе "долгого времени". – Труды научно-практической конференции "Октябрьская революция и ее место в истории XX века" 14 ноября 1997 года. Томск, 2000, с. 2–11; *Февральская революция 1917 года в Российской истории.* – Отечественная история, 2007, № 5, с. 8; *Фомин А.* Переосмысливая события революционной поры. – Свободная мысль, 1996, № 10, с. 57.

ния модернизационного подхода к революции. И Февраль, и Октябрь в меру своих возможностей решали одну и ту же задачу: освободить Россию от тех препятствий, которые тормозили ее развитие, создать условия для ее более динамичной модернизации, избавить ее от реально угрожающей опасности оказаться на обочине цивилизованного мира и потерять свою независимость.

Разно трактуемым является и вопрос о типе революции 1917 г. Приверженцы формационного подхода остаются верными идее двух революций: Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической. О социалистической природе Октября неоднократно говорил П.В. Волобуев, считая его "антибуржуазным, ориентированным на социализм"³⁸. По мнению В.П. Булдакова, не выдерживает критики название Февральской революции не только буржуазно-демократической, но и просто демократической, а общенародной ее можно назвать лишь в том "отрицательном" смысле, что императора в решающий момент не поддержал никто³⁹. Октябрьская революция рассматривается Булдаковым как "красная смута", «невиданно мощное столкновение "модернизаторства и традиционализма", закончившееся торжеством не модернизаторства», а "традиционализма", к которому Булдаковым причисляется не только "архаичная крестьянская психоментальность", но и "в новейших одеждах европейский социализм и интернационализм"⁴⁰. Идея о том, что в 1917 г. победила архаика, в виде общинной революции, проводится и в исследованиях В.М. Бухараева и Д.И. Люкшина⁴¹.

Для того чтобы преодолеть возникшее в нынешней историографии затруднение с типизацией революции 1917 г., М.М. Горинов предложил отказаться от традиционных критериев типизации революции по объективным задачам, которые им предписывались ее участниками, или по ее движущим силам, а взять за основу типизации "объективный исторический результат": тип постреволюционного общества и его вклад в национальный и общечеловеческий прогресс⁴².

Одним из главных вопросов историографии революции 1917 г. является вопрос о ее причинах и предпосылках. По этому вопросу советские историки вели борьбу "с буржуазными фальсификаторами" истории революции, которые якобы отрицали наличие причин и предпосылок для революции, особенно социалистической. Были разногласия по этому вопросу и среди самих советских историков, но они не были столь принципиальными. Закономерность революции никем не отрицалась, расхождения были лишь по вопросу о степени зрелости ее предпосылок. В современной историографии картина иная. В упоминавшемся уже докладе П.В. Волобуева и В.П. Булдакова отмечается: "Вопрос о предпосылках революции, в условиях, когда привычное понимание ее смысла и значения оказалось поставленным под сомнение, выглядит наиболее сложным"⁴³. Историки консервативного направления отрицают объективную обусловленность революции. С точки зрения А.Н. Боханова, "в экономическом смысле революция была совершенно не обоснованна", так как дореволюционная экономика России была "блестящей"⁴⁴. Склонен к такому мнению и известный ныне политолог В.А. Никонов, считающий, что "в 1917 году не было предпосылок, неумолимо

³⁸ Волобуев П.В. Исторические корни Октябрьской революции, с. 37.

³⁹ Февральская революция 1917 года в российской истории. – Отечественная история, 2007, № 5, с. 15–16.

⁴⁰ Булдаков В.П. Красная смута, с. 338, 339.

⁴¹ Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция. – Историческая наука в меняющемся мире, вып. 2; *их же*. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа "общинной революции". – 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 135–138; Бухараев В.М. "Серп" или "молот"? Социально-культурное следствие исторической катастрофы 1917 г. – Государство и общество, 1999, № 2, с. 166–170.

⁴² Горинов М.М. О сущности Октябрьской революции. – Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994, с. 153–155.

⁴³ Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению, с. 29.

⁴⁴ Февральская революция 1917 года в Российской истории. – Отечественная история, 2007, № 5, с. 13.

толкающих к революции", а ведущую роль в Февральской революции сыграл "субъективный фактор"⁴⁵.

В.П. Булдаков не соглашается ни с теми, кому дореволюционная Россия представляется чуть ли не социально-экономическим раем, а системный кризис империи мифом, придуманным большевиками, ни с теми, кто на первый план при объяснении гибели монархии, выдвигает "субъективные факторы", главным образом "конспирологического ряда". Согласно В.П. Булдакову, проблему падения самодержавия нельзя обсуждать вне контекста "*кризиса империи*". Этот кризис был уже налицо к началу XX в. и находил свое проявление в полном разномое в ее основных системообразующих иерархиях: духовной, военной, бюрократической и хозяйственной. Мировая война подтолкнула империю к системному кризису. В итоге В.П. Булдаков констатирует, что главной причиной Февральской революции стала десакрализация существовавшей власти, обусловленная внутренними противоречиями и социальными тяготами⁴⁶.

Б.Г. Могильницкий, специалист по теории и методологии истории, предлагает рассматривать революцию с позиции, созданной Ф. Броделем, теории "короткого" и "долгого" социального времени. Под "коротким временем" имеется в виду событийное время, измеряемое "короткими хронологическими единицами". "Долгое время" – это многовековое время, в глубинах которого зарождались и нарастали ведущие тенденции общественного развития, определяющие движение истории в его существенных чертах. Эта теория, по мнению Могильницкого, предостерегает от поспешного, конъюнктурного сведения истоков революции к обстоятельствам субъективного свойства и уж тем более от суждений на тему, нужна ли она была вообще. Российская революция, считает Б.Г. Могильницкий, была укоренена во всех сферах российских общественных отношений: социально-экономической, политической, национальной и социально-психологической. Первая мировая война и деятельность политических партий послужили лишь детонатором для революционного взрыва⁴⁷.

В современной историографии существенные изменения произошли и в освещении движущих сил революции. Типичный для советской историографии тезис, что революция была совершена рабочими, крестьянами и солдатами при гегемонии пролетариата и под руководством большевистской партии, в своем ортодоксальном виде не используется даже в работах социалистической ориентации. Представители консервативного направления акцент делают на заговор масонов и акции спецслужб враждебных России держав. В.И. Старцев своей книгой "Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского", изучив множество источников в американских архивах, доказал, что "германо-большевистский заговор" является мифом, основанным на подложных документах, автором которых был журналист и авантюрист Ф. Оссендовский⁴⁸.

Эпиграфом к своей книге "Красная смута" В.П. Булдаков взял высказывание М.Е. Салтыкова-Щедрина, не пояснив при этом, каков его контекст и источник: "Испокон веку во всех странах бунтовала только подлая чернь, и при том всегда без позволения. Из-за чего бунтовала, этого не знает ни один учебник, но бунтовала самым неблагоприятным и, можно даже сказать, почти нецелесообразным способом". По В.П. Булдакову, революция являлась "буйством коллективного бессознательного", в ней было очень много "иррациональной истерии" и "иррациональной ненависти", так

⁴⁵ Никонов В.А. Крушение. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность. – Российская газета. 16.III. 2007; его же. Мартовские тезисы к 90-летию Февральской революции. – Февральская революция 1917 года: уроки истории. М., 2007, с. 3, 101.

⁴⁶ Булдаков В.П. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции, с. 6–16.

⁴⁷ Могильницкий Б.Г. Октябрьская революция в перспективе "долгого времени". – Труды научно-практической конференции "Октябрьская революция и ее место в истории XX века" 14 ноября 1997 года, с. 5.

⁴⁸ Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского, 3-е изд. СПб., 2006.

как делалась она "озлобленными маргиналами и городскими люмпенами"⁴⁹. Нельзя не согласиться с В.М. Шевыриным, автором ряда работ по истории и историографии русской революции, который при обсуждении книги В.П. Булдакова на "круглом столе" в редакции журнала "Отечественная история", сказал, что солдатские части в книге рисуются похожими на бомж-формирования, состоящие из распоясавшихся, оголтелых людей с алкогольным синдромом и сознанием инфузории⁵⁰.

К "новшествам" современной историографии революции относятся и попытки возродить представление о том, что либералы были не только участниками, но и руководителями Февральской революции⁵¹, что одним из главных виновников революции была интеллигенция⁵². В число положительных моментов сегодняшней историографии революции следует записать то, что, во-первых, преодолено разногласие, имевшееся в советской историографии, по вопросу о том, все ли крестьянство или только его беднейшая часть были движущими силами Октябрьской революции. Ныне общепризнано, что победа этой революции была обеспечена поддержкой всего крестьянства; во-вторых, активно изучается роль в революции всех влиятельных российских политических партий⁵³.

Революция 1917 г. прошла в своем развитии три основных этапа: Февраль, Октябрь и период, включающий в себя события, происходившие между Февралем и Октябрем. В советской историографии эти этапы изучались неравномерно. Основное внимание уделялось Октябрю, как событию, положившему начало советскому строю. О Феврале писалось гораздо меньше. Изучался, но явно недостаточно этап между Февралем и Октябрем. Ныне, когда актуальность приобрел вопрос об альтернативах Октябрю, этому этапу уделяется гораздо большее внимание. Стали рассматриваться темы, которые раньше или вовсе не затрагивались, или освещались слабо. Среди этих тем можно назвать историю центральных и местных органов Временного правительства⁵⁴, общественных организаций и органов самоуправления: комитетов общественной безопасности⁵⁵, земств⁵⁶, фабрично-заводских комитетов⁵⁷. Вместе с тем, таким важным для понимания глубинных причин политических коллизий, происходивших в рассматриваемое время, какими являются проблемы экономического и финансового состояния

⁴⁹ Булдаков В.П. Красная смута, с. 5, 352; *его же*. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции, с. 17.

⁵⁰ "Красная смута" на "круглом столе". – Отечественная история, 1998, № 4, с. 151–152.

⁵¹ Николаев А.В. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.

⁵² Никонов В.А. Мартовские тезисы к 90-летию Февральской революции. – Февральская революция 1917 года: уроки истории, с. 38, 44, 101.

⁵³ Политические партии в российских революциях в начале XX века. Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005.

⁵⁴ Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994; Коваленко Н.А. 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001; *его же*. Центральная власть и аппарат управления в России (февраль–октябрь 1917 г.). М., 2001; *его же*. Октябрьские события 1917 года и судьбы Временного правительства. – Историки размышляют, вып. 3. М., 2002, с. 99–115; Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России после свержения самодержавия. Ростов-на-Дону, 2002; Мальшева С.Ю. Российское Временное правительство 1917 года. Отечественная историография. Докторская диссертация. М., 2003.

⁵⁵ Герасименко Г. Народ и власть. М., 1995; *его же*. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 г. –1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997, с. 145–159.

⁵⁶ Сунцов Н.Д. Ставропольское земство в революциях 1917 года. Москва–Ставрополь, 1999; Земское самоуправление в России, 1864–1918, в 2-х кн. Кн. 2. 1905–1918. М., 2005; Петровичева Е.М. Земское самоуправление в России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности. Докторская диссертация. М., 2004.

⁵⁷ Чураков Д.О. Судьбы рабочего самоуправления. – Свободная мысль, 1999, № 6, с. 91–102; *его же*. Революция, государство, рабочий протест: форма, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004.

России при Временном правительстве, социальная, экономическая и национальная политика этого правительства, по-прежнему не уделяется должного внимания исследователей.

Разные мнения высказываются по вопросу о содержании и возможных перспективах развития революционного процесса от Февраля к Октябрю. Историки социалистической ориентации, как и ранее советские историки, рассматривают этот процесс как закономерное и необходимое движение страны к Октябрю. Россия, утверждал П.В. Волобуев, исчерпала другие социально-политические возможности выхода из кризиса, преодоления отсталости и приобщения к современной индустриальной цивилизации, встала на путь социалистической революции⁵⁸. А.А. Сенцов, специально исследовавший развитие российской государственности в послефевральский период, пришел к заключению, что «не выдерживает критики идея "случайности" Октября». «Выявляя тенденции развития и механизм развала буржуазной государственности, можно убедиться в том, что ее смена советской – явление закономерное»⁵⁹. В качестве причины Октября указывается и на то, что Временное правительство, все проблемы социально-экономического порядка и, прежде всего, решение аграрного вопроса, откладывало до созыва Учредительного собрания. Сам же этот созыв подменялся созданием различных "эрзацев" парламента Государственного совещания, Демократического совещания, Временного Совета республики и т.п.⁶⁰

А.Н. Медушевский, наоборот, считает, что не было никакой предопределенности в том, что Февраль сменился Октябрем, что был реальный шанс демократического обновления страны, но он был упущен Временным правительством. С его точки зрения, предопределенность Октября возникла из цепочки ошибок Временного правительства, существенной среди которых была та, что А.Ф. Керенский не уничтожил Советы, как сделал это Б.Н. Ельцин в 1993 г.⁶¹ Думается, однако, что в 1917 г. Советы были органами нарождающейся власти, авторитет которой у населения был большим. Советы были органами левых сил, на которые только и могло опереться Временное правительство в борьбе с контрреволюцией справа. Наглядно это проявилось во время выступления Л.Г. Корнилова. В 1993 же году Советы были уже органами власти, исторически отжившей. Уничтожить их не составляло большого риска и труда, так как уже мало кто готов был их защищать.

Некоторые историки склонны видеть "несостоявшуюся демократическую альтернативу большевистскому режиму" в Учредительном собрании, которое, по их мнению, и в послеоктябрьское время "воплощало демократическую перспективу развития государственности и общества"⁶². Категорическими противниками такой оценки Учредительного собрания являются П.В. Волобуев и В.П. Булдаков. Только при большом воображении, заявлял Волобуев, в Учредительном собрании можно усмотреть "демократическую альтернативу Советам"⁶³. "Демократической альтернативы в 1917 г. не было и не могло быть", считает В.П. Булдаков. Свою точку зрения он обосновывает тем, что якобы "для российского менталитета характерны патернализм, вера, что государство – высшая сила, может творить добро, действуя в интересах всех классов и сословий"⁶⁴.

⁵⁸ Волобуев П.В. Исторические корни Октябрьской революции, с. 47.

⁵⁹ Сенцов А.А. Указ. соч., с. 6.

⁶⁰ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000, с. 291.

⁶¹ Февральская революция 1917 года в российской истории, с. 20.

⁶² Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание и демократическая альтернатива. – Анатолия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть, с. 134, 143; *его же*. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997.

⁶³ Волобуев П.В. Октябрьская революция: путь к демократии или диктатуре (Исторические итоги). – Россия в XX веке. Историки мира спорят, с. 150.

⁶⁴ Анатолия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть, с. 165.

В нынешней историографии нет единства и в определении заключительной вехи революции. По мнению В.И. Миллера, все зависит от того, какое явление имеется в виду под термином "революция". Если рассматривать революцию как процесс преобразования общества, то она охватывает период с конца февраля 1917 г. и примерно до конца 1920 г. Революция как период, когда основные проблемы страны были связаны с революцией, длилась примерно до лета 1918 г. Революция как событие – это 27 февраля, 25 октября 1917 г.⁶⁵ Историки, рассматривающие Февраль, Октябрь и гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции, относят ее завершение к 1922 г.⁶⁶ На наш взгляд, точнее было бы взять за окончательную веху революции весну 1918 г. Во-первых, те, кто под понятием "Великая российская революция" объединяет революцию и гражданскую войну, руководствуются представлением, что революция тоже является актом гражданской войны. Но это не совсем так. Между революцией и гражданской войной есть различия. В гражданской войне, как во всякой войне нового времени, конфликты между участвующими в ней сторонами разрешаются главным образом с помощью регулярных вооруженных сил: армиями, фронтами и т.п. В такую стадию социальная борьба в России переросла лишь в конце весны 1918 г. А.К. Соколов считает, что не следует распространять понятие "гражданская война" на революцию, предлагает датировать гражданскую войну, как событие самостоятельное от революции, серединой 1918 – концом 1920 г.⁶⁷ Во-вторых, известно, что главным вопросом революции является вопрос о власти. Рожденная революцией советская власть, победившая в Октябре 1917 г., к началу лета 1918 г. не только окончательно институализировалась, разрешила, хотя во многом в декларативной форме, насущные для России вопросы о мире, земле, национальный вопрос и ряд других, но и утвердилась практически на всей территории бывшей российской империи. Думается, что приведенные соображения позволяют назвать заключительной вехой русской революции весну 1918 г. Гражданская же война уже другой этап в нашей истории.

Наиболее дискуссионными, политизированными и идеологизированными вопросами в современной историографии являются вопросы о результатах революции, и их влиянии на судьбы России. Прежде чем излагать существующие мнения, отметим, что подавляющее большинство этих мнений принадлежит историкам, которые держатся традиционной схемы двух революций в 1917 г. Соответственно оценки ими даются отдельно каждой революции. Представители консервативного направления негативно оценивают не только Октябрь, но и Февраль. С точки зрения А.Н. Боханова, "лидеры и поводыри" февральской революции руководствовались фальшивыми идеями и потому Боханов, вслед за П.Б. Струве, называет эту революцию "национальным банкротством и позором"⁶⁸. В целом положительно оценивают революции 1917 г. историки социалистической ориентации. Февраль они воспринимают положительно, прежде всего, за то, что он избавил Россию от самодержавия и сделал ее самой свободной страной в тогдешнем мире, а Октябрь восхваляют за то, что он окончательно устранил препятствия и создал условия для развития страны в сторону социализма.

Нельзя пройти мимо своеобразной оценки, которую дает 1917 г. И.Я. Фроянов, известный историк Древней Руси⁶⁹. Он считает, что социально-экономические результаты Февральской революции были "ничтожны", а завоеванные свободы на деле были анархией, которая наносила огромный вред национальным интересам России, вела к ее территориальному расчленению. Временное правительство, стремясь перевести

⁶⁵ Там же, с. 58.

⁶⁶ Донскова Л.А. К вопросу о периодизации революции и гражданской войны в России. – Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1998, с. 210; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 5.

⁶⁷ Соколов А.К. Лекции по советской истории 1917–1940. М., 1995, с. 81.

⁶⁸ Февральская революция 1917 года в российской истории, с. 6.

⁶⁹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого года. Взгляд из настоящего. М., 2002.

Россию на путь западных демократий, лишало русский народ национальных ориентиров. И.Я. Фроянов объясняет такую политику Временного правительства тем, что она проводилась лицами, принадлежащими к масонству. Такое очевидное насилие над Россией, "было прервано радикальным Октябрем" (с. 58). К положительным моментам Октября И.Я. Фроянов относит то, что, во-первых, он был "русской рабоче-крестьянской революцией". Основанием называть ее революцией служат кардинальные изменения в обществе: она ликвидировала частную собственность и эксплуататорские классы. Революция была "русской" потому, что, в соответствии с антибуржуазными ментальными особенностями русского народа, отвергла капиталистический путь развития страны, а социалистической – по своей устремленности к социальной справедливости и равенству (с. 64). Во-вторых, большевистская власть утвердила себя и восстановила государственное единство. Удачной, называет И.Я. Фроянов, предложенную В.И. Лениным модель государственного капитализма, т.к. она могла опереться на традиционные основы российской государственности. В-третьих, большевики помешали антирусским мировым силам реализовать план раздробления России и ликвидации ее как великой державы (с. 161). Негативным моментом революции, по И.Я. Фроянову, следует считать то, что она не была полностью "национальной", так как, во-первых, одной из ее доктринальной составляющей и была ориентация на мировую революцию, по которой русской революции "отводилась роль чисто подсобная, служебная, в конечном счете, жертвенная" (с. 66). Во-вторых, революция финансировалась иностранными деньгами. Причем, этими деньгами перед Февралем пользовались все политические партии, которые его готовили, а после него, исключительно – большевики (с. 79, 81, 99, 113).

Историки либерального направления руководствуются, по существу, теми оценками, которые были высказаны официальными лицами на упоминавшейся в начале данной статьи научно-практической конференции 1995 г. По их мнению, "непреодолимой ценностью была лишь Февральская революция"⁷⁰. Но она была растоптана контрреволюционным Октябрем, установившим в стране тоталитарный, репрессивный режим. На большевиков возлагается вина за то, что они развязали гражданскую войну, превратили Россию в одну из наиболее агрессивных стран мира, на долгие десятилетия спровоцировали своей внешней политикой глубокий кризис системы международных отношений. С точки зрения С.А. Филатова, большевики "в период своего правления, по сути дела, позитивно не решили ни одной из многочисленных проблем, которые стояли перед российским обществом в XX веке"⁷¹.

О том, что Февраль и Октябрь представляют собой два разных типа революции, говорил Б.С. Илизаров на "круглом столе", состоявшемся 15 марта 2007 г. в Институте российской истории РАН. По его мнению, русские революции до Октября 1917 г. имели во многом положительное значение. "Перманентная революция", начало которой положил Октябрь, это уже совершенно иной тип революции, превратившейся в орудие диктатуры, диких периодических репрессий и т.п.⁷² Говорилось и о том, что уроки 1917 г. актуальны и в нынешнее время. Призывом к властям: "Будьте бдительны!" прозвучало выступление на этом "круглом столе" В.М. Лаврова. Главным историческим уроком Февраля он назвал то, что революция может застать врасплох руководителей России. Наличие и почти свободное распространение антиправительственной идеологии, совпадение во времени и пространстве нескольких дестабилизирующих событий (включая спровоцированные) на фоне нелегкой жизни народа – и революция. Поэтому нельзя убаюкивать себя заклинаниями, что лимит на революцию исчерпан⁷³.

⁷⁰ Волкознов Д.А. Ленин. Политический портрет, кн. 1. М., 1997, с. 235.

⁷¹ Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 г., с. 7, 8, 13.

⁷² Февральская революция 1917 года в российской истории, с. 24.

⁷³ Там же, с. 25.

Меняется отношение и к Февралю. Об этом, в частности, свидетельствует публикация в 90-летие революции в прессе статьи А.И. Солженицына "Размышления над февральской революцией", а также работа В.А. Никонова "Мартовские тезисы к 90-летию Февральской революции". По мнению В.А. Никонова, Февральская революция является "одной и печальных дат российской истории"⁷⁴.

В связи с 90-летием революции 1917 г. были проведены научные конференции, "круглые столы", обсуждения в периодической печати. В Институте российской истории РАН состоялись два "круглых стола", на которых обсуждались вопросы о месте Октябрьской революции в истории России, судьбе и последствиях разгона Учредительного собрания, роли личностей в революционных событиях и духовно-нравственных аспектах революционных процессов⁷⁵. В "Литературной газете" прошла дискуссия "Уроки Октября: взгляд из XXI века". Началась она с публикации в 29 номере газеты (18–24 июля 2007 г.) материалов А.С. Солженицына "На обрыве повествования (фрагменты, Узел VIII – Октябрь – ноябрь Семнадцатого (21 окт. – 8 ноября))" и завершилась статьей А. Дробана "Управляющие и управляемые", напечатанной в 51 номере газеты (19–25 декабря 2007 г.). В ходе дискуссии своими представлениями о революции и оценками ее уроков поделились более полутора десятков известных историков, политологов, писателей и публицистов. Высказывались разные мнения, однако преобладающим было мнение представителей социалистического направления нынешней российской общественно-политической мысли, для которых Октябрь остается Великой Октябрьской социалистической революцией.

Думается, что и Февраль и Октябрь 1917 г. выполнили свое предназначение: были ликвидированы препятствия для ускоренной модернизации страны и созданы условия для ее осуществления. В итоге за короткий срок были решены те проблемы, которые были насущными для страны и которые оказались неспособными решить ни царское авторитарное, ни временное демократическое правительства. В стране завершилась индустриализация, реформировано земледелие, осуществлена урбанизация населения, ликвидирована его малограмотность. Не таким уж и принципиальным является ныне дискуссионный вопрос о том, какой же строй существовал в советское время: казарменный социализм, государственный социализм или государственный капитализм. Главное заключается в том, что в рамках этого строя страна смогла не только выбраться из той ямы, в которой она оказалась вследствие мировой и гражданской войн, но и стать второй державой в мире, победить в Великой Отечественной войне. Трагизм революции 1917 г. и последовавших за ней преобразований заключается в том, что осуществлялись они варварскими методами и средствами, оплачены были высокой ценой.

Кроме того, необходимо сказать, хотя бы кратко, о трактовке темы русской революции 1917 г. в нынешних школьных учебниках, которые, как известно, важны не только для познания подрастающим поколением истории своей родины, но и для воспитания в нем лучших чувств по отношению к ней. Сделать это нелегко, ибо таких учебников множество, причем в издании учебников по истории произошли значительные изменения. В 90-е годы XX в. происходил спешный пересмотр советской концепции революции и замена ее либеральной в ее худшем, вульгарном варианте. В учебниках начала XXI в. изложение этого события дается уже более объективное, и оценки его более взвешенные. Ведется поиск консенсуса в их освещении. Пока это проявляется в основном лишь в отказе от ответов на такие существенные вопросы как характер революции, движущие силы, этапы, а не на концептуальном уровне.

В качестве итога выскажем мнение относительно общего состояния современной отечественной историографии русской революции 1917 г. Состояние это сложно и

⁷⁴ Никонов В.А. Мартовские тезисы к 90-летию Февральской революции. – Февральская революция 1917 года: уроки истории. М., 2007, с. 47.

⁷⁵ См.: Отечественная история, 2008, № 6.

противоречиво и потому оценивается по-разному. Особенно оживленные дискуссии на эту тему происходили в начале рассматриваемого периода. Одни историки говорили о кризисе историографии в целом, другие – о частичном кризисе, третьи – кризиса нет и быть не может, четвертые – скорее можно говорить о выходе из кризиса и наступлении нового периода в историографии⁷⁶. Сейчас страсти уже в значительной мере поулеглись. Выявленная статистика утвержденных ВАК докторских диссертаций и изданных книг по истории революции говорит о том, что в рассматриваемом периоде количество диссертаций и книг по революции уменьшилось.

Главная причина этого, вероятно, заключается в том, что наше общество в целом становится год от года либеральнее, более отличным от советского общества. Интерес в обществе к революционным идеям падает. В связи с этим все меньше исследователей привлекает революционная тематика. Такую тенденцию еще лучше можно понять, если иметь в виду то обстоятельство, что в советское время революционная тематика поощрялась и потому не только из-за своей научной значимости пользовалась вниманием у многих исследователей. Таким образом, уменьшение количества работ по истории революции вряд ли можно рассматривать как кризис ее историографии.

Явлением не кризисным, а благотворным для историографии, надо считать то, что былая монополия в ней марксистской методологии сменилась разнообразием методологических подходов. Признаком дальнейшего развития процесса изучения революции является и складывание в нем трех направлений: консервативного, либерального и социалистического. К положительным моментам нынешней историографии революции можно отнести и то, что она пополнилась множеством новых источников и рядом работ по темам, которые или вовсе не изучались, или изучались далеко недостаточно.

В целом же следует сказать, что нет оснований драматизировать нынешнее состояние отечественной историографии революции 1917 г. Она все более приобретает нормальный, спокойный, действительно научный характер.

⁷⁶ Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть, с. 53, 57, 58, 59, 428, 432.